ПИОНЕР

1925

№ 13

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

Просим ответить

В редакцию журнала „Пионер“ г. Москва Новая пл. 6.

Вопросы:

1. Можно ли нашему коллективу (отряду) связаться с пионерами Запада?

2. Посылать ли материал, использованный в стенной газете, в центральные журналы и газеты?

Пионер Коля В.

Из Чечеловки, Екатеринославск. губ.

Ответы:

1. Не только можно, но и очень желательно пионерам Союза Республик держать тесную связь с пионерами капиталистических стран. О том, как это наладить, прочитай в 4-м ответе одиннадцатого номера „Пионера“ за этот год.

2. Конечно посылай. Интересный материал везде (если он не местный) интересен. Нужно только присылать скорее, чтобы он не устарел.

Вопросы:

3. Можно ли переводить в комсомол пионера, который не вел активную работу в отряде?

4. Носит ли пионер-комсомолец значек КИМ'а?

Пионерка Мария Сивал.

Ленинград, Моск.-Нарвский район.

Ответ:

3. Нет. В комсомол переводится только активно работающий пионер. Ведь организация пионеров—это подготовка к комсомолу на работе, и кто не работает в ней, тот не подходит к комсомолу.

4. Да. Каждый комсомолец носит значек „КИМ“.

Вопросы:

5. Пионер должен ложиться спать в 10 часов; что же ему делать, если он пойдет в цирк? Ведь там представление кончается позже?

Пионер Сентянин Е.

9-й Орловский отряд.

Ответ:

5. Время сна установлено для обычного времени. Если же изредка его нарушить, то вреда от этого большого нет.

Вопросы:

6. Можно ли посылать в „Пионер“ фотографические с'емки работ: на огороде, сквере и с отдельных групп.

Деткор Михельсон.

Из Галича.

Ответ:

6. Если фотография будет хорошо выполнена, то, конечно, она будет помещена.

Вопросы:

7. Будет ли „Пионер“ дешевле и когда?

Деткор Витька Б.

Ст. Иланская, Енисейск. губ.

Ответ:

7. Издательством принимаются все меры к удешевлению его. Одна из них,—самая важная и необходимая,—увеличение числа подписчиков.

Ответы пикорам

РУБЕНЧИКУ (Орел).

Ты описываешь торжественный момент смычки вашего (городского) отряда с деревенским. Такая тема ничего нового в нашей работе не дает. Пиши о будничной работе отряда.

КАРПУХИНУ (Спасс-Клепики).

В заметке мало определенности и много общих фраз Например, ты пишешь, что ребята живо разбирали вопросы дня конференции, но не пишешь, какие вопросы разбирались и какие из них вызывали большее обсуждение. Не пойдет.

ПОПОВУ (Рязань).

Твои заметки похожи на выписки из протоколов. Не обработаны и потому не пойдут.

БЕЛОУСОВУ (Кирсанов).

Пикором „Пионера“ является всякий пишущий в наш журнал.

ФИТИНОЙ (село Шатрово).

Заметка про шефа скучна. Шарада же неправильно построена: слово террар нет, а есть террор. Не пойдут. Шли еще.

ШАПКИНУ (Котельнич).

Из твоей заметки выходит, что авторитет форпоста поднялся, благодаря ряда вечеров смычек: смычке с педагогами, учащимися, комсомолом. О будничной же работе форпоста ничего не пишешь. Не пойдет.

ШЕЛАВИНОЙ (Уфа).

Статью о значении и истории 1-го мая мы получили 6-го мая и потому запоздала.

АЙЗЕНШТАМУ (Гусино).

Статью об устройстве огорода получили 7-го мая. Запоздала.

ПИНКИНОЙ О. (Моск. Лесн. школа), **ЧИСТЯКОВУ** (Зуб. Поляна), **ГАМЕНУ, ЛЬВУ и РОЗЕ** (Первомайск), **ДЕГОВЕЗУ** (Городня), **КАЛИНИНУ** (с. Лапшанга).

Присланное, за недостатком места, не пойдет.

ПИОНЕРАМ ст. БОЛОГОЕ.

Ваше письмо направили в Уездное Бюро пионеров при Укоме РЛКСМ г. Мелекес.

БЕЛЯВЦЕВУ (Краснодар).

Нельзя присылать задачи, не давая их решения. Присланное не пойдет. Шли еще.

ПОРТЕР (Троицк).

Стихи твои хороши по рифме, но в них одни общие фразы. Например: „Пойдем вперед“, „Мы твое дело продолжим“, „Исполним заветы твои“. Все это встречается на каждой строке. А в чем именно заключается выполнение заветов, этого-то и нет. Не пойдет.

ГОД ИЗДАНИЯ 2-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

На 12 мес.—24 №-ра—5 руб. 60 коп.
„ 6 „ —12 „ —2 „ 95 „
„ 3 „ — 6 „ —1 „ 55 „
„ 1 „ — 2 „ — „ 60 „

Адрес редакции и К-ры: Москва, Н. Площ. 6/7, Из-во „Молодая Гвардия“.

ПИОНЕР

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

В „ПИОНЕРЕ“ ОТДЕЛЫ:

„Советы вожатого“, „Наша жизнь“, „Наши старшие братья—комсомольцы“, „Наши братья на Западе“, „Изучай природу!“, „Мастер на все руки“, „Уголок октябрят“, „Пионер в семье“, „Пионеры в деревне“, „Пионер-физкультурник“, „Лагерная жизнь“ и др.

Орган ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО Детской Коммунистической Организации им. В. И. ЛЕНИНА (при ЦК РЛКСМ) и НАРКОМПРОСА

№ 13 15 июля 1925 г.

Оригинальный рис. худ. Дубасова.

Расправа иностранцев в Китае.

Георгий Никифоров | *Рис. худ. П. Малькова*

НА ПУТИ

ПОВЕСТЬ

(Продолжение)

7.

В праздничный день, возвращаясь от обедни, забрел к матери Митьки Баврина бакалейщик Свякин, Демьян Фокеич, отвесил в передний угол три поясных поклона, выставил свое круглое степенство *) вперед, расправил бороду и сказал, присаживаясь на табуретку:

— Ну, как же, Настасья Егоровна, порешим? Второй раз спрашиваю. Смотри, потом навязывать будешь—не возьму.

Настасья Егоровна поправила сбившийся на голове платок, развесила вдоль комнаты выстиранное тряпье, вздохнула и ничего не ответила.

— С добром пришел,—повторил Звякин,—что ж молчишь, аль парня жалко тебе? Не все ему алтырничать, работать пора.

— Да, ведь, что сказать,—отозвалась женщина.— Ум раскорячился, уж и не знаю, как. Не пойдет он, дальше, вишь, обучаться будет.

— Куда учиться-то. Нешто в комиссары норовит. Читать, писать может и ладно. У меня тоже не без науки, пока мальчиком, а там, глядишь, и в люди выйдет. Торговое дело уму учит.

— Понимаю, Демьян Фокеич, только, как же я? Вот уже вернется, тогда и разговор.

— А по-моему чего ждать. Твой сын—ты и распорядиться можешь. Я люблю так: раз-два и—готово. Ваш товар, наши деньги, как говорится. Запродаешь, что-ль? Говори, что долго думать. Бояться нечего, я не злодей какой, у меня жить можно, вроде за племянника числиться будет. Денежки чистоганом получишь. Мы по-божецки.—Звякин умильно поглядел в угол и благочестиво кашлянул в ладошку.

Настасья Егоровна раздумалась, оглядела комнату, прокопченную, ободранную, перевела потускневшие глаза на ноги, увидела развалившиеся полусапожки, вспомнила, что Митьке тоже одежонка нужна, махнула рукой и согласилась.

Торг был заключен. Звякин, выкладывая на стол три новеньких червонца и роняя в бороду усмешку, говорил:

— Видишь, вот какой я человек есть: за десять месяцев вперед аванцем по три рубля, значит, оклад ему будет. Легко—ли, этакую уйму денег плачу. Да еще харчи, ну, обмундировка там, какая ни на есть. Благодарить бога тебе надо, что человек добрый нашелся, а ты упиралась. На-ко, вот, получай, так то-сь.

Звякин поднялся:

— Счастливо тебе оставаться. Приводи парня, как явится. Он посопел, потолкался у дверей и вышел.

— Если башмаки теперь,—соображала Настасья Егоровна по уходе Звякина,—шесть рублев, вынь да выложь за квартиру трешну, Митяньке обувку, плохо-бедно, десятку, вот уж и всего ничего остается.

«Кружится—вертится шар голубой»,—выводила портниха Верка Лапина.

— Будет тебе надрываться-то, Верушка,—постучала Настасья Егоровна в перегородку.—Какой там, шут, «голубой шар», заладит человек, бог знает что.

— Ты чего, Егоровна,—просунулась в двери портниха,—меня, что-ль?

— Тебя, тебя. Чего, мол, воешь?

— Скушно, Егоровна, шьешь... шьешь...

— А ты подь-ка сюды, посиди со мной.

— Ой, где тут сидеть,—отмахнулась Верка,— продохнуть некогда,—и продолжала торчать в двери, а переждав минутку, спросила с любопытством:— Чей такой был у тебя брюхастый?

— Ну вот, аль не знаешь? Звякин это, Демьян Фокеич, лавочник, —пояснила Настасья Егоровна.

— Пес их знает, вижу пузатый, значит, купец.. Что ему понадобилось?—продолжала расспрашивать Верка.

— Насчет Митяньки приходил. Мальчик ему нужен в услуженье.

— Ты чего же?

— Да чего, милая,—вздохнула Настасья Егоровна,—знаешь, какие мои достатки. Отдала парня, чего поделаешь.

— Отдала,—всплеснула руками портниха,—да ты что, угорела. Этакому живоглоту, да он его в такую работу запрягет, не доживя веку, ноги протянет. Ну уж не-ет, я бы ни за что не отдала. Пускай с биржи приказчика берет, а то, ишь ты, подкатился. Ха, мальчик ему понадобился, задарма, поди, хочет.

— Нет, как можно, вперед уплатил.—Развязавши узелок платка Настасья Егоровна показала червонцы.—За десять месяцев сразу.

— Вот это ловко, за десять месяцев—тридцать рублей. Ах, чтоб ему лопнуть, ироду,—возмущалась Верка.—А ты и согласилась?

— Как же, Веруша, знамо, согласилась: парнишка на возрасте, куда мне его приспособить, ума не приложу. Тут он, как ни-как, у места будет, все полегче жить можно. Сама-то я видишь, чай, какая работница.

*) Живот.

— Придумала облегченье жизни,—сердито фыркнула Верка,—нечего сказать, лучше не надо, запродала сына, и ладно.

— Да чего же делать-то?—забеспокоилась Настасья Егоровна.

— Известно—чего: швырни ему в морду деньги, только и всего. На-ко ты таких дешевых нашел, ловок очень.

— Господи...

— Вот те и господи,—передразнила портниха,—обаили тебя. Я, ведь, слышала как он тут напевал: и то, и се, и пятое, и десятое. Смотрите-ка, люди добрые, купил себе батрака.

— Иль, взаправду, вернуть ему деньги?—вслух размышляла Настасья Егоровна, разглядывая червонцы и беспомощно опустив руки.

— Расстроила ты меня, Верунька.

— А ты иди, иди,—настаивала Верка,—чего там расстраиваться, невелики деньги тридцать рублей, не больно на них раз'едешься, подумай хорошенько: почти год работать за них придется Митьке. Ты его спросила? Может, он не согласен.

Настасья Егоровна смутилась, хотела, видимо, что-то ответить, но махнула рукой, как бы отгоняя тяжелые думы и уставилась в одну точку в угол комнаты.

Верка, не дождавшись ответа заключила: — Простота, Егоровна, хуже воровства,—и повернувшись ушла, сердито хлопнув дверью.

Через час, после тяжелого размышленья, Настасья Егоровна вновь завязала деньги в уголок платка, напялила на плечи заплатанное пальтишко и, бормоча неясные слова, отправилась к Звякину.

Жил Звякин за два квартала ближе к рынку там, где тянется ряд низкорослых домов, с горшками герани в окнах, с кисейными занавесками, со скамеечками у ворот. Идешь по такой улице, думаешь: попал в сонный уездный городок, где каждая щель забора смотрит на тебя подозрительно и с любопытством: кто, дескать, шляется здесь, отдохнуть людям не дает после обеда. И народ тут живет благочестивый, каждое воскресение в церковь семьями прут. Вся улица заполняется в этот день залихватским трезвоном:

тим-тиль-лимти, тим-тиль-лимти,
трам-блям, трам-блям.

Ребята школьники, проходя улицей в лес или на реку, подладятся и поют:

«Тентель-вентель, поп Лаврентий
Акулина попадья...»

Дом Звякина среди других выглядел солидно и важно, что твой купец, окруженный покорными слугами.. Шесть лупоглазых окон выпялились на улицу, щеголяя зелеными ставнями.

Два тополя, хмурые и полуголые торчали напротив, как оборванные нищие, жалобно поскрипывая на корню, роняя последние листья.

Настасья Егоровна долго переминалась с ноги на ногу, не решаясь войти в калитку двора. И не вошла бы, но по ту сторону забора кто-то густо прокашлялся будто ухнул в пустую бочку, потом гнусаво замурлыкал:

«Нас три-и сястры, о-ды-на за грахвом.»

Подошел к калитке, пнул ногой и очутился нос с носом с Настасьей Егоровной.

— Здрасте,—поклонилась женщина, робко отступая в сторону.

— Здравствуй, если не шутишь,—ответил здоровенный детина в поддевке, в тяжелых сапогах с приплюснутой фуражкой на голове, над козырьком которой протянулась узенькая медная полоска с надписью: «дворник».—Кого тебе.

— Мне бы Демьяна Фокеича.

— Туда. Дворник ткнул в открытую дверь крыльца.

Настасья Егоровна, проскользнув боком мимо дворника, загородившего калитку, вошла в большие светлые сени; около двери задержалась, подумала: идти ли. Вошла все-таки и тут же заметила сидевшего за столом в другой комнате Звякина. Пил он чай, отдувался, стирая со лба жаркий крупный пот.

Разглядел Настасью Егоровну.

— Ты зачем, мать моя, случилось что?

— Насчет сына, Демьян Фокеич.

...пил Звякин чай, отдувался.....

— Вернулся?

— Да нет, где же, денька через два, надо быть.

— Так чего же?

— Несогласна я, Демьян Фокеич, передумала.

— Ну во-от,—досадливо протянул бакалейщик,—опять за рыбу деньги. Горе ты луковое, выходит, время теряем зря. Что это ты сбрындила вдруг?

— Не советуют мне. Опять же, парень большой уж, кто ё знает, как дело повернется, не захочет итти—и все тут. Как приневолишь? Сами посудите.

— Значит снова—здорово, разговоры разговаривать будем. Деньги-то получила, ведь?

— Так что, Демьян Фокеич, я вернуть могу—и заспешила, развязывая уголок платка. —Деньги небольшие, не того сын стоит, если по совести.

— Хе-хе-хе — рассмеялся Звякин. — Ты бы с этого и начинала. Вот чудаки-рыбаки. Мало уплатил, выходит. Так за этим дело не станет, я и прибавить могу. Ладно уж, пользуйся моей простотой.

Полез в карман, выволок бумажник, немного подумал, заглядывая в его нутро, послюнявил палец, отделил из пачки, толщиной в колоду карт, червонец.

— Для хорошего человека, Настасья Егоровна, можно сказать, в лепешку разобьюсь. Держи, наживай деньгу, чего там...

Возвращалась Настасья Егоровна и не могла мысли собрать, разбежались они в разные стороны. Вспомнит о Митьке: приезжал бы скорей, что-ли. Звякин путается тут же: ну и прокурат, мои милые, всучил денежки, хоть ты, что хошь.

8.

Тонкий, заново вылуженный ломтик месяца, окончательно сбившись на незнакомой лесной дороге, повис в лохматых сучьях сосны и заглянул Митьке в лицо.

Митька лежал около стены лесной сторожки на разбросанной соломе. Кто его перетащил сюда, не помнил. Обеспокоенный надоедливым светом луны, приоткрыл глаза: в десяти шагах догорал костер, еще дальше—по прежнему стояли лошади и, помахивая хвостами, жевали овес. Митька припомнил все, в голове чувствовалась боль, продолжая лежать, он улавливал каждый малейший шорох. Отфыркивались лошади и глубоко вздыхали. За стеной слышались чьи-то голоса, один писклявый и высокий.

— Будя тебе лакать-то, вот угроба, чорт.

— Жалко?—спросил другой, сиплый и грубый.

— Не жалко, а убывает.

— Ну лей, лей, чего растобаривать, не люблю.

— Не люблю,—отозвался писклявый,—свалишься, чего с тобой делать тогда?

— Давай, говорят, — оборвал бас, — просплюсь, до утра далеко, чего боишься?

— Буянить будешь опять.

Митька прополз за угол, приподнялся и в отверстие разбитого окна увидел сидевших на полу двух мужиков, тут же лежали еще трое и громко храпели.

— Мальченка что?—заговорил тот, кто наливал.

— Экось ты его грохнул как!

— Ладно, чего тут, отудобит, я легонько.

— Не надо было.

— Как не надо? Сполох поднять мог, тут до села рукой подать.—Говоривший икнул, попросил еще налить самогону и, выпив, лег на пол, растянувшись до порога.

— Ты посматривай, — проговорил он, завертываясь в зипун,—не засни, мотри.

Митька отполз обратно, лежал, чуть приоткрыв глаза.

Прошло с полчаса, ветви сосны продолжали цедить струи холодного света луны, из избушки вышел человек, сел около костра, взял охапку сухого хворосту и бросил в огонь.

Митька продолжал наблюдать: человек почесывался и зевал. Время шло, крадучись, не торопясь. Сидевший у костра повернулся спиной к огню, положил руку под голову и утих.

Приглядываясь Митька отличил среди лошадей особенно высокую и стройную, блестящая черная шерсть отливала вороненной сталью. Подумал: настоящий конь.

Лежавший у костра был неподвижен. — Уснул, должно быть,—заключил Митька.

Мысли одна за другой в перегонку: удирать надо, вот на этом на вороном. Спят все, но тут же толкнула робкая мысль: поймают. Поднял голову, насторожился: хрр, грр—доносилось от костра. Дрыхнет.

Подождал еще, покуда не унялось в груди сердце, потом медленно, держась в тени кустов, стал подвигаться к лошадям, опираясь руками о землю. Прополз большой круг и остановился, боясь напугать лошадей. Вытянул руку, погладил легонько морду вороного, потом приподнялся и начал отвязывать. Лошадь отступая назад, ударила ногой о бревно. Митька, прижавшись к боку коня, оглянулся. Прямо перед ним, в той стороне, где тлели угольки костра, виднелась широкая просека, теряясь в глубине леса. — Туда надо,—размышлял Митька и задумался: как обойти спавшего, через кусты. Лошадь не пойдет.— Нет, поскачу отсюда, прямо через него. А если проснется?—испугался он.—Э, была не была, лошадь добрая.

Осторожно подошел к срезанному пню, влез на него, перекинул повод через голову коня, снял с себя ременьи, подобравши узду, одним броском, как опытный наездник, очутился на спине вороного.

Лошадь визгливо заржала, танцуя на месте. Лежавший у костра подскочил, продирая глаза. Не рассуждая, Митька ударил, что есть силы ремнем. Вороной взвился на дыбы, но почувствовав удила, рванулся вперед.

—Держи, держи,—заорал мужик и вслед затем грохнул выстрел, с визгом пронеслась над головой дробь. Напуганная грохотом выстрела лошадь, вытянувшись, мчалась по просеке полным карьером, широко выбрасывая упругие сильные ноги, легко перескакивая через пни.

Позади слышались крики и свист. Митька оглянулся: далеко в самом начале лесного прорубa мелькали неясные прыгающие тени.—Погоня,—сообразил беглец. В его руке свистнул ремень и опустился. Вороной выскочил на поляну и, не разбираясь, бросился через кусты. Просека кончилась, впереди виднелась проселочная дорога. Митька дернул повод, лошадь круто свернула в сторону и, гулко отбивая

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ФЕДИ РУДАКОВА

Стихи А. Жарова

Рисунки В. Сутеева

(Продолжение).

Федя Рудаков мешковатый неповоротливый пионер, опоздав на сбор своего отряда перед отправкой в лагерь пустился догонять его на буфере трамвая. С буфера Федю снял милиционер. От него Федя удрал, но заблудился, устал и уснул.

14.

И в одно мгновенье
Цепью приключенья...
Знаете, бывает
Всякое во сне:
Где-то Федя едет...
В бурном море Федя,
Он плывет к далекой
И чужой стране...

— Погоня,—сообразил беглец

подковами по наезженному пути, поскакала еще быстрей. Выл ветер, грива, развеваясь, била в лицо. Митька, не зная дороги, пустил повод, уверенный, что лошадь вынесет его к жилью.

Крики и свист позади становились слышней, двое из погони отделившись, мчались открытым полем наперерез. Митька заметил это, когда дорога, делая изгиб, свернула под гору к реке. Надо было успеть проскочить раньше погони или гнать обратно.

С тяжелым храпом, раздувая ноздри, скакал вороной, разбрасывая по сторонам комья земли. Раздумывать было некогда, наездник рванул за повод, направляя лошадь целиной под кручу, с силой ударив каблуками в бока животного.

Нырнув через густую стену ивняка, лошадь с разбега бросилась в воду. Митька на секунду почувствовал, что он плывет в воздухе и, окунувшись с головой в волны реки, отчаянно заболтал ногами, держась за гриву.

Река была неглубокая и узкая; через минуту выбравшись на другой берег, снова мчались.

Вымокший и продрогший Митька отчаивался, вдруг совсем близко гавкнула собака, одна, другая и скоро целая стая с визгом и лаем прыгала по сторонам. Невдалеке виднелись плетни и огороды, а дальше соломенные крыши хат.

Сдерживая разгорячившуюся лошадь, Митька увидел перед собой большое село. Разбуженный гамом и воем собак, сбегался народ. Кто-то орал:

— Братцы, гляньхось из совхоза вороной-то!

— Вот те и на, а заведующий заявлял выкрали.

— Выкрали и есть.

— Парнишка чей же?

— Волоки в исполком, разберем.

Плохо помнил Митька, где его оставила погоня, как потом обессиленного стащили крестьяне с лошади и на руках отнесли в исполком. Усталость размочалила тело, захлестнуло грузным сном.

Таращилось в тусклые окна хаты осеннее, морозное, искристое утро. Одолевал чей-то голос, ласковый и немного насмешливый.

— Вставай, вставай, будет валяться, ишь совсем сомлел парень. Эх ты, горе охотник,—говоривший засмеялся и щелкнул по носу пальцем. Митька отчетливо и дребезгом чихнул.

— Здорово живешь!

Митька проснулся: перед глазами плясали усы Парфена Лукича.

9.

Прошло три дня.

Скомкались в небе серые облака, треснули потом, как огромные льдины на широкой реке и пошли гулять. Полил из трещин мелкий надоедливый дождь.

Митька возвращался в город, встретили его тусклые тесные улицы и старый, знакомый до мелочей дом.

Мать обрадовалась, не успел парень как следует очухаться с дороги, а она уже сует ему новые яловочные сапоги.

Деньги, полученные от Звякина израсходовала до последней копейки, предстояло об'яснение с сыном, старалась задобрить, иного выхода не было.

— Смотри, Митенька, какие сапоги-то я тебе справила.

Митьке сапоги понравились, даже подпрыгнул на месте и, примеряя обнову, спросил:—Где же это ты раздобыла денег.

— Да уж раздобыла вот... Тут же вытащила из старой продырявленной корзины новые свои башмаки, ситцевое платье, блузу для Митьки и твердые, как будто смазанные клеем казинетовые штаны.

Митька таращил глаза и все удивлялся.

— Вот это я понимаю,—говорил он, поскрипывая на ходу сапогами.—Ты что, мамка, клад отыскала.

Настасья Егоровна совалась по комнате, складывала и вновь раскладывала покупки, придумывая в то же время, с чего начать разговор.

Тут опять Верка Лапина вывернулась, услышала, что Митька из деревни приехал, забежала.

— Ох, какой ты стал длинный,—оглядывая и повертывая Митьку, смеялась она.—Смотри, как вымахал за лето, скоро меня догонишь. Верка прижимала его голову к своему плечу и измеряла.

— Настоящий работник будешь, знал купец--кого покупал.

— Какой купец,—недоуменно спросил Митька.

— А ты и не знаешь? Мать тебя лавочнику продала,—брякнула Верка.

Митька, примеряя блузу, застрял от неожиданности головой в прорезе ворота, уставившисьна мать. Настасья Егоровна испуганно замахала руками на болтливую портниху и, слезливо мигая, стала передавать сыну все подробности.

15.

— Как же быть, скажите!
Я—не здешний житель.
Вот, и суша близко.
— К берегу! Сигнал...
Докатились быстро.
Но, ведь, там...
Фа-шис-ты!..
— Красный галстук
спрячьте...
Кто-то подсказал...

— Чего, Митенька, делать будешь, — оправдывалась она, — вишь, нужда заела.

— Да я лучше на завод, — заикнулся было Митька.

— Говорилла я: верни деньги, — вмешалась Верка.

— Где уж там, от сорока рублей трешница осталась, — об'явила мать, — откуда их возьмешь теперь?

Митька, зашвырнул купленные сапоги, не хотел слышать о купце.

Настасья Егоровна принималась раза два плакать, изливая свою жалобу на нужду и упрямство сына. Верку, которую интересовало, чем вся история кончится, подмывало поругаться, но и она, раздумавшись, присоединилась к просьбам матери, уговаривая Митьку. Наконец, Настасья Егоровна, разобиженная ушла к соседям. Верка давно сыпала надоедливой дробью швейной машинки. Митька остался один. Он долго, уткнувшись в стекло окна, глядел в плаксивую осеннюю улицу. На лбу складывались мелкие линии морщин, он стискивал зубы, пробовал бегать по комнате, валялся по полу и не находил выхода.

Ночью, когда в уснувшем доме тяжело осела тишина, Митька, прислушиваясь к еле слышному шуршанью тараканьих гнезд за обоями, приподнялся на постели и негромко позвал: — Мам, а мам. Слышь ты.

— Ну, что еще? — отозвалась Настасья Егоровна.

— Ладно уж, — зашептал Митька, — согласен я, пойду за твою нужду, — и, отвернулся укрывшись одеялом.

ГЛАВА 10

Дни — огоньки степные: вспыхивают и гаснут на бегу. Немало их пробежало со времени поступления Митьки к бакалейщику Звякину. Складывались дни в месяца. Прослужил Митька всю зиму, отработал ровным счетом двадцать четыре рубля.

Мытарил парня купец, как ему хотелось, и все ласковым словом донимал. Недаром Демьян Фокеич не только у себя в улице, но и в прилегающих кварталах благодетелем слывет. Вид у него, посмотреть со стороны — степеный и важный, он не ходит, а шествует. На груди рассыпалась широкая, всегда расчесанная борода, цвета хорошо просеянной печной золы: не седая, не рыжая, а серая. В бороде прячется скуластое лицо, там же застрял нос, широкий, разгонистый в ноздрях. Глаза у Звякина — не глаза: два спрятавшихся жулика, никакая милиция не сыщет.

Подойди — увидишь: глядят они умильно и ласково, будто хотят сказать: — «Спаси, господи, благочестивые и услыши ны».

Рост у Демьяна Фокеича высокий, брюхо грузное, как цистерна, налитая нефтью, идет — попыхивает, отдувается. Останавливаясь по дороге на рынок, крестится часто на любую приткнувшуюся промеж домов осоловелую от старости часовеньку. Придет в лавку и сейчас же Митьке дело.

— Ну-ка, милый вьюноша, слетай за кипятком, надо чайку глотнуть.

Сбегает Митька за кипятком, а уж у Демьяна Фокеича другое дело на готове. — Ты чего-же, сынок, — скажет он, — стоишь, киснешь? Подмети, поди, вишь сколько тут грязи накопилось.

Возьмет Митька метелку, подмахнет сор, стащит в мусорную яму, не успеет оглянуться, покупатель явится.

— Носит вас чорт! — выругается Митька про себя, — нет вам других лавок, обязательно сюда прут.

Покупатели у Звякина особенные, все больше из породы ощипанных и полинявших бар, зато с фасоном, важности хоть отбавляй. Голова запрокинута, как у взнузданной лошади, нос поверху.

— Крупчатки мне пудик!

— Митька! свешай господину хорошему муки. Да не той, не той! Не знаешь — кому продаешь.

— Да, вы уж того — получше, — замечает покупатель, встряхивая на ладони горсточку муки, — Затем и иду к вам, что на совесть, по старому знакомству, не в потребилку же. Довольно с нас, простояли в хвосте, было время. Тут хотя и подороже, да зато товар...

— Не извольте сомневаться, — улещает Демьян Фокеич, — не дороже-с, за товар отвечаем-с

— «Отвечаем-с» — думает Митька, — показать бы тебе, толстопузый идол, — «отвечаем-с». А кто в муку мелу подсыпает, не ты небось?

Наберет покупатель всякой всячины, в свертках и кульках, оглядит товар и, расплачиваясь скажет:

— Вот что. Пришлите пожалуйста это, всего-то я не захвачу. Возьмет пару кульков и распрощается.

Митьке опять работа: взвалит пудовик муки на плечи и тащит, сгорбившись, по указанному адрес улицы за три от базара.

Звякин напутствует: — Поспешай, Митек, поторапливайся!

(*Окончание след. №*).

Над. Ландская.

С БАРАБАНОМ

Тара-тара-тата... Тара-тара-тара.
Тара-тара-тата. Та-та-та...
Эй, ребята, стройся!.. Ну, за парой пара!
Мы идем сегодня в новые места.
За деревней роща, а за рощей горка,
А на горке царство бабочек, грибков.
И мы ждем, не дремлем. А уж смотрим зорко,
А уж ловим ловко мошек и жуков.
Эх, кругом приволье!.. Запестрело поле
Лютиком, ромашкой, синим васильком.
Ну-ка, овес мохнатый, щекочи до боли.
Хорошо на воле бегать босиком,
В сене кувыркаться, с ветром целоваться,
Прыгать в речку с визгом, брызгов не жалеть,
А потом под вечер у костра собраться —
Подкрепиться снедью, отдыхать и петь.
И когда потонет в синей тьме овражек,
И туман ползучий встанет над рекой, —
С барабанным боем, с копнами ромашек
Хорошо спешить как в лагерь, на покой.

16.
Федя галстук спрятал
И глядит: пальба там.
Слева дым над портом —
Свежий след борьбы.
Виселицы — справа....
Значить ночь расправы
Над рабочим людом,
Вставшим на дыбы....

Лео Зилов.

1. МЕШОК

После обеда мастер Никита Иваныч Киселев отправился в чуланчик под лестницей. Долго и раздраженно там швырялся и, наконец, закричал:

— Мать, пойди сюда! Куда вы мешок картофельный девали с подшитым низом? Как не бываешь здесь на неделе, чорт их знает, как все перемуторят. Нарочно этак не перекрутишь.

А в комнате, из которой окно выходило как раз в сени, напротив чулана, жена Никиты Иваныча, замученная работой, но сохранившая свой легкий благодушный характер, говорила дочери:

— Иди-ка теперь, сражайся с ним, кавалерия.

Дочь, согнувшись над тетрадками с геометрией и алгеброй, убирала кусок пирога и бурчала:

— Ну его, некогда мне: два за чета на шее, завтра сдавать, а с ним часа в два не кончишь.

— Катька, что вы там?—Снова закричал Никита Иваныч.

— Слышишь, тебя требует,—сказала мать,—кто последний раз в чулане-то кидался? Ты, ведь?

— Сказала, не пойду.

— Эх, вы, дитятки!—Мать сложила на стол начатое шитье, потянулась к окну, открыла в сени форточку и спросила:

— Ты чего, отец?

— Чего-чего. С'ем я вас, что ли? Выйти-то не можете. В чулане убраться надо и с подшитым низом мешок найти. Завтра семенную картошку на складе получать, а с чем я пойду?

— Ну, Кать, виниться надо, как хочешь,—сказала она дочери.—припер: и не отвертишься.

— А мне что было делать? Не могла же я без мешка в школу идти. Все давно принесли, а я, член театральной комиссии, и все—завтра да завтра. Сами виноваты. Никакой сознательности нет... Возьми у соседей. Все равно картошку в мешке держать не будете. Сушить вы сыпите.

— Вот и ступай сама.

Дочь хлопнула по столу тетрадкой, вскочила и выбежала в коридор. Там она постучалась в дверь напротив. Из двери выглянул молодой человек.

— Костя, добудьте мне, где хотите, мешок картофельный. Отец завтра за семенным идет, а я для спектакля взяла.

— Положение. И у нас завтра идут...

— Как хотите, доставайте, после обеда отдам.

Костя, вдруг что то придумал.

— Обождите одно мгновение.

Пробежал по коридору, выбежал на двор, схватил сушившийся на загородке чей-то мешок, вернулся и вручил.

— Для вас возможно и невозможное.

— Откуда вы взяли? Мне чужого не нужно.

— Не суть важно, теткин.

Через минуту Катя подавала отцу новенький мешок.

— Вот, не скандальте, пожалуйста.

Не надо мне чужого мешка Пойди отдай сию же минуту! Это еще что придумала? Только бы отцу рот заткнуть.

И вдруг, точно его разорвало динамитом, разразился бурей отрывистых негодующих фраз:

— Ты думаешь, я слеп-глух. Последний мешок на занавес для своего театру тащит. Этак у вас весь спектакль ваш, видно, тасканный. И мешки на занавес, и нитки, и доски для сцены, и еще что... Пойду и всю вашу дребедень к чортовой матери раскидаю. Заместо уроков только по кружкам всяким шляетесь. На тетрадки да на книжки сколько денег извела. И все в провал.

— Папаша, я член первомайской комиссии. Вы ее в моем лице не оскорбляйте. Вам бы помощь надо оказывать, а не то что мне у вас зубами рвать,—сказала дочь торжественно и раздельно,—пора вам знать, что школа, в которой я учусь, ваша школа. А вы и на собраниях ни разу не были. Какой же вы отец после этого?

Никита Иваныч, не ожидавший такого оборота, смешался и ответил:

— Извиняюсь.

И прибавил уже тише:

— А чужой-то мешок все-таки назад снеси.

17.

Визг нагаек близко.
Вдруг—фонарь фашиста
Освещает Федю....
Окрик: про-хо-ди.
— Клоп, ты кто таковский
Пионер московский?!—
Он значек заметил
У Феди на груди.

18.

— Бей его! Держите...
— В плен его! Вяжите...
Федя наш не струсил,
Крикнул: ну-ка, вдарь,
И тяжелый камень
Взял двумя руками.
Р-раз... в фашиста бацнул....
Вдребезги фонарь.

2. Наследник

— Семейству почтение,— сказал, входя, сосед Егоров.—А где же наследник-то ваш, мне с ним потолковать бы?

— Наследник по своим делам отправился, к шести часам придет.

Семилетняя Шура, занятая починкой кукольного платья, не поднимая лица от шитья пояснила:

— К дяде Семену за проводом поехал.

— Бритву он у меня брал направить, готова ли?

— Шур, ну-ка, взгляни у него в шкафу,—сказал отец.

Шура деловито встала, подошла к самодельному шкафчику, пошарила под ним, нашла ключ, отперла, достала и молча подала бритву.

— Вишь ты, поди ж ты, — удивлялся Егоров,—как из парикмахерской. Ну и ребята нынче пошли. Сколько наследнику-то? Четырнадцатый?

— Двенадцать в марте было. Теперь, милый мой, годами время не меряют, в девятнадцатом году за хлебом он у меня ездил. В двадцатом вот за этой за сестрой в Украйну шпарил. Он, брат, в наше время солдату бы рот заткнул. Я теперь в его дела и не мешаюсь У меня такое понятие: лет пяток буду ему полное содержание давать, а там действуй во Всероссийском масштабе.

Отец прикурил затухшую папиросу и продолжал рассказывать о сыне, удивляясь сам своим наблюдениям.

— Он у меня прямо, можно сказать, химик Колька-то! Сам себя образовывает и сестру туда же тянет—книжки ей читает, грамоте ее выучил и счету. Она у него вроде секретаря, управделами. И строжит он ее, беда! И правильно, чтобы она к сроку чего-нибудь не сделала—никогда на свете.

— Шур,—спросил он девочку,—семафор-то не пора подымать?

Та взглянула на стенные часы и буркнула:

— Четверти не дошло.

— Семафор, видишь ли, над домом обязана к его приходу поднять.

— Сколько же я ему за правку должен,—спросил, вставая, сосед.

— Пять гвоздей,—ответила решительно девочка.

— Каких же вам гвоздей?

— Девочка перегрызла нитку, заколола на груди иголку и сказала таким же тоном:

— Безразлично.

— Видел?—вставил отец,—деловая публика. Хоть целый день на них, как в театре, смотри.

Егоров, уже переходя улицу, увидел поднимавшийся к коньку крыши красный фонарик. В то же время встретился ему сам наследник.

— Семафор поднят, путь свободен, сказал он полушутливо мальчику.

Щупленький, с сумкой за плечами и с палкой в руке, наследник взглянул на него строго исподлобья. Ничего не ответил и ровным дорожным шагом пошел дальше.

— Н-да, — остановившись сказал сам себе Егоров,—народ каленый.

А мальчик крикнул в темноту своему управделами:

— Шур, иоду достал, сейчас из муки крахмал добудем.

Егоров повторил про себя, что сказал мальчик, и ничего не понял.

— Мука, крахмал, иод... И бритву выправил...И вот тоже провод зачем-то привез... Чудно! Ну и ребята.

Истинно—химики.

ЧТО ЧИТАТЬ ПИОНЕРУ?

БОЕВОЕ КРЕЩЕНИЕ.

166 стр. Издательство „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ", цена 80 к.

В этой кинжке собраны рассказы из жизни и борьбы рабочих подростков и молодежи на заре революции.

Советуем вожатому отряда порчитать ребятам вслух следующие рассказы: А. Гастев — В утренней смене, Д. Кассель — Меирка, Н. Ляшко — Крепнущие крылья и С. Черкасенко—Сашка. Остальные рассказы ребятам читать не стоит.

В МАЛЬЧИКАХ.

132 стр. Издательство „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ", цена 50 к.

Все, что писалось лучшими русскими писателями о тяжелой жизни ребят „в ученьи" собрано в этой книжке.

Здесь рассказы: А. Чехова — Ванька и „Спать хочется" — В. Короленко, Глеба Успенского и других.

Всем ребятам советуем прочитать эту нужную и интересную книжку.

3. Четырнадцать нулей

Сегодня Ипатов приковылял на своих костылях домой необычайно радостный

— Что это ты? В золотом займе что ли выиграл? —Удивилась встретившаяся у крыльца соседка.

— Подымай выше!

И прогрохал в свою каморку.

— Ну, ребятишки,—сказал он детям,—что я вам принес! Которого вы, сопляки, еще и не видывали!

Он разделся сел на сундучок, поставил рядом костыли и вынул из кармашка гимнастерки что-то маленькое, густо завернутое в газетную бумагу.

— Двугривенный,—сказал старший Костька.

— Ты почем знаешь?—Удивился отец.

— У Мишки Арапова есть.

— Может старый, с орлом.

— Нет, светленький.

— Дай мне! — Заскулил младший Минька.

— Тебе дать? Как раз. Да ты знаешь, что это означает? Десять миллиардов, вот чего! Ты только сочти, писк ляк, десять—то миллиардов! Цельный день считать будешь и не сочтешь Это рублями, а ежели копейками, так—триллион.

Он достал из того же кармана карандаш, написал на стене единицу, отступил от нее далеко вправо и стал, подвигаясь к единице, ставить нули, пришептывая, чтобы не сбиться: копейка, гривеник, рубль. десять рублей...

Написал, проверил, наморщив лоб. Оказалось. что ошибся. Поправил, опять сосчитал. Кажется, вышло правильно.

— Вот—четырнадцать нулей... Четыр-над-цать нулей. Видал? Если такое число сосчитать от одного: раз, два, три, четыре.. Сколько, Костька, времени нужно. Давай считать. Если на каждую цифру секунду класть, и он стал решать задачу тут же, на стене.

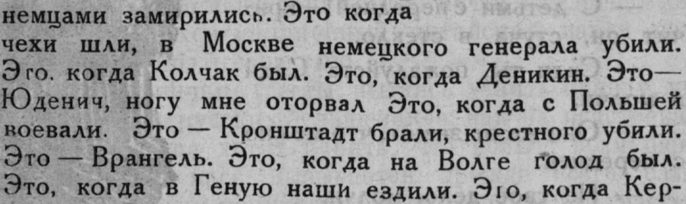
Один за другим вырастали столбики, а еще оказывалось недостаточно велико. Пошли десятки, сотни легли, наконец, получилось нечто невероятное.

— Три тысячи лет с гаком считать бы пришлось. Это что,—с восхищением и удивлением воскликнул он.

— Ежели бы с потопа начать считать, так и то к нынешнему дню бы не кончить. А мы, чорт возьми-то, своими ребрами пересчитали.

Он взглянул на длинный триллион и снова вдохновился:

— Вот, давайте по нулям смотреть, что было. Это вот,—показал он на последний нуль,—старый режим, когда царь был. Вон он, шут его возьми, когда был. Будто и не был. Нет его,—и он зачеркнул нуль. — Это вот,—и показал на другой,—когда Керенский был. Нет его.—И зачеркнул.—Это, когда его спихнули, в Москве война была. Помнишь,—спросил он Костьку.—Где тебе помнить? Пять лет тебе было. Это, когда с немцами замирились. Это когда чехи шли, в Москве немецкого генерала убили. Это, когда Колчак был. Это, когда Деникин. Это—Юденич, ногу мне оторвал Это, когда с Польшей воевали. Это—Кронштадт брали, крестного убили. Это—Врангель. Это, когда на Волге голод был. Это, когда в Геную наши ездили. Это, когда Керзон ноту прислал.

И он перечеркивал все нули.

В дверях каморки появился сосед, токарь Ласточкин, тоже гражданский инвалид.

— И все-таки для этих-то,—показал он на ребят,—так нули нулями и будут, т.-е. нет ничего. Останется один двугривенный заместо нашего триллиона. Есть двугривенный и ладно, а как он образовался, откуда они знать будут?

— Нет, узнают. Почему вот тут звездочка? Вопрос. Почему—пролетарии всех стран? Другой. РСФР, а не по-теперешнему, не СССР. Третий. Что за двадцать второй год? Четвертый. Сам он про себя им расскажет. почему крепкие да звонкие, да блестит. Этакие вороха бумаги были. Бабы в подолах таскали. Мешки ими напихивали. И вдруг такой кругленький выкатился. Понять надо. Сколько в нем крови, то нашей.

— На, вот, держи, и чтобы мне не потерять. На всю жизнь сохрани,—сказал он, отдавая двугривенный Костьке,—а я еще получу и тебе дам, вшивец,—успокоил он Миньку.

Но Минька заревел, уцепился за двугривенный, который держал Костька, вырвал его, двугривенный упал на пол, покатился и попасть бы ему в щель, если бы не уложил его на месте костылем Ласточкин.

— Эх,—сказал он, поднимая монету и обтирая о пиджак!—такая вещь, а они что делают? Спрячь! В сундук спрячь! В разум придут, тогда и давай.

20.

Федя знал, что ночью
Главари рабочие
От суда буржуев
Этой вот страны,
Все собравшись тайно,
Из глухой окраины
На аэроплане
Улететь должны.

19.

«Пионер умелым,
Стойким, ловким, смелым.
Точным и упорным
Должен быть всегда»
Федя взмахом быстрым
Знамя у фашиста
Выхватил в потемках
Ловко, без труда.

4. Постреленок

Едут в трамвае двое: тетка, закутанная в старый платок, пожилая, измученная не столько работой, сколько возней по домашности и лет пяти мальчик, в сшитом из старья модном пальтишке с поясом и с Ленинским значком на груди.

Тетка занята своими думами, а маленький гражданин тараторит, отчетливо отчеканивая каждое слово.

— Автомобиль,—об'являет он всему вагону,—завидев обгоняющую трамвай машину:

— Гоночный, видешь, длинный.

— Сейчас снимет, рубль возьмет... Почему не снял?—спрашивает он тетку:

— На ходу сели.

— С детьми с передней!—кричит он, стуча в стекло.

— Сиди ты, пожалуйста! Сиди и молчи.

— Они же не знают, что можно с передней.

— Не твое дело, молчи.

— Ну, вот и не сели, а с передней бы сели.

— Он на минутку надулся, но на улице происходило все время что-нибудь новое, которого нельзя было пропустить.

— Фабрика идет, фабрика идет,—закричал он снова.—Почему фабрика идет? Почему?

— Отстань, не знаю я.

— А я знаю. В Моссовет идут, Каменева поздравлять.

— Зачем же поздравлять?—спросил сосед.

— С выборами,—ответил он без запинки.

— А вон хоронят. Кого хоронят? Кого?

— Дяденьку какого-нибудь...

— А почему музыки нет? Музыка должна быть.

— Да не знаю я, вот дался неугомонный.

— А я знаю.

И он запел мотив похоронного марша.

— Откуда же ты знаешь,— опять спросил сосед.

— В детский сад хожу. Там все рассказывают и на фабрику водят на нашу.

Почему я сегодня не в саду?— спросил он тетку.

— Мамке некогда.

— Я один дойду. Сегодня радио будет играть, а вы не пускаете.

Он опять надулся.

— Радио слушать не дают. Какие!

— Ах, ты, постреленок ты этакий, скажи пожалуйста, чего отец-то только гладит...

— Мой папка сознательный, не как ты. Он в фабкоме...

— То-то вот в фабкоме. Все они такие.

— Какие?

Но тетка молчала.

— Почему молчишь? Сказать нечего,— поддразнил он ее.

И снова занялся улицей.

Учатся гребле.

Л. Колесников

ПРОБУЖДЕНИЕ КИТАЯ

Патронов не жалеть.

Владельцы японской фабрики в Китае Нагайвата Кайша отдали этот приказ без тени колебания. Надсмотрщики, озверевшие, пресытившиеся издевательствами над китайскими «рабами», с радостью пустили в ход оружие против забастовщиков.

Презренные китайцы осмелились требовать десятичасового рабочего дня, восьми часов работы для подростков, человеческих условий существования, взбунтовались против телесных наказаний. Какая дерзость!

Несколько скорчившихся трупов во дворе фабрики должны были привести в трепет дерзких китайцев.

Но на другой день Шанхай забурлил, зашумел, с улицы на улицу, из квартала в квартал перекатывалась жуткая весть о расправе на японской фабрике.

Шанхай—двухмиллионный портовый город, колыбель молодой китайской промышленности. Двести с лишним тысяч китайцев разбросаны по сотням предприятий. Потрясающая нищета приютилась в рабочих кварталах рядом с диким великолепием немногих дворцов, рядом с равнодушной сытостью иностранного квартала. Здесь в этом квартале благоденствуют владельцы всех богатств; банки, заводы и фабрики, железные дороги—все прибрали к своим рукам японцы, англичане, американцы и остальные прожорливые чужеземцы.

Шанхай взволновался.

Товарищи убитых об'явили дружную забастовку. В воздухе запахло грозой. Но иностранцы, привыкшие повелевать и властвовать, решили снова проучить забастовщиков и им сочувствующих.

30 мая снова загремели выстрелы в Шанхае.

В этот и следующий день иностранная полиция непрерывно разряжала свои винтовки, перебивая студентов, вышедших на демонстрации протеста; сотни невинных граждан попали в тюрьму.

Забастовка превратилась во всеобщую.

Двести двадцать тысяч рабочих бросили свои станки, торговцы покинули свои лавки, студенты свои аудитории.

Иностранный квартал превратился в вооруженный лагерь. Японские, английские и другие моряки и солдаты пачками стали высаживаться на берег. Английские и японские приказчики составили летучие отряды, подстерегающие пулей любого китайца.

12.000 иностранных войск высадилось до сих пор в Шанхае. Но и в других местах великой китайской страны свирепствуют иностранцы. В Цзинь-Дао убито 7 рабочих и ранены десятки, в Ханькоу убито 9, в Нанкине—6, а сколько жертв не подсчитано.

Между тем, вся страна прислушивается к ходу событий в Шанхае. В Пекине, Нанкине, даже в Мукдене, столице матерого контр-революционного китайского генерала Чжан-Цзо-Лина, нарастает сочувствие к шанхайцам, выступившим против иностранного ига. В Пекине стотысячная толпа слала проклятия иностранному кварталу; в других городах митинги и демонстрации стали почти ежедневными.

Четырехсотмиллионный китайский народ начинает разгибать свою выю.

Заграничные газеты, пытаясь утаить правду, указывают на русских большевиков, как на подстрекателей. Они не хотят понять, что всякое возмущение народных масс вызывается прежде всего самим иностранным капиталом, зажимающим эти массы в беспощадные тиски.

Китай с его огромными естественными богатствами и огромным населением всегда манил к себе взоры иностранцев. Недаром еще в 1840—42 годах Англия вела бешеную борьбу—войну с Китаем за право ввоза опиума, одуряющего яда, которым от-

(Продолж. см. на 14 стр.)

Гавань Шанхаев.

СЛУШАЙ,

СМЕНА

ПО ЛЕНИНСКОМУ ПУТИ.

Год тому назад московские пионеры перед XIII с'ездом Коммунистической партии дали торжественное обещание и приняли высокое и ответственное звание пионеров-ленинцев.

21 июня IV Всесоюзная Конференция Ленинского Комсомола в Москве на Ленинских горах приняла парад юных пионеров Москвы и заслушала от них выражение готовности следовать за Комсомолом и партией в выполнении ленинских заветов.

В Москве более 100.000 пионеров, и в этот день эти тысячи юных ленинцев подтвердили от лица всех пионеров Советского Союза, что они идут по пути, указанному Ильичем, и готовят новую смену Комсомолу.

Громадное пространство на Ленинских горах перед трибуной на Международном Красном Стадионе заполнено стройными рядами отрядов пионеров.

Среди красных пионерских знамен собрались представители ЦК РКП (б) и участники IV Всесоюзной Конференции Комсомола.

Юные ленинцы дают торжественное обещание:

„Твердо стоять за дело рабочего класса в его борьбе за освобождение рабочих и крестьян всего мира, честно и неустанно выполнять заветы Ильича и обычаи пионеров“.

ПИОНЕРСКОЕ ДВИЖЕНИЕ РАСТЕТ

Всесоюзная Конференция собралась через год после VI Всесоюзного С'езда Комсомола, который решал вопрос о пионерской работе.

Комсомол тогда обратился ко всем пионерам с призывом об'единить в

Парад пионеров на Ленинских горах в Москве 21 июня 1925 г.

В центре замнарком здравоохранения т. СОЛОВЬЕВ говорит приветствие, рядом с ним секретарь МКРЛКСМ т. МАТВЕЕВ. В овале—отряды пионеров отдают салют. На верху—среди знамен члены конференции комсомола. Внизу слева горнисты.

ПИОНЕР!

КОМСОМОЛУ

1925 году 1.500.000 рабоче-крестьянских детей, улучшить работу в школе среди неорганизованных детей, укрепить свое здоровье.

Теперь Всесоюзная Конференция снова обсуждая вопрос о пионер-движении, отметила, что пионеры улучшили свою работу, об'единили уже до 1.500.000 детей, об'единили более 100.000 младших ребят, октябрят, связали их жизнь с жизнью и борьбой трудящихся.

Рост пионерских организаций особенно усилился в деревне. Все глубже и глубже проникает он в отдаленные и глухие уголки Советского Союза.

Комсомол смотрит на свою смену с уверенностью, что она выполнит свою клятву, которую пионеры Москвы дали перед Всесоюзной Конференцией РЛКСМ и еще ранее произнесли перед ленинской партией.

ЧЕГО ЖЕ ЖДЕТ КОМСОМОЛ ОТ ПИОНЕРОВ?

1. Чтобы они упорядочили свою работу, чтобы каждое дело рассчитывали по своим силам, не берясь за непосильные задания.

2. Чтобы они обратили внимание на полезность своей общественной работы, чтобы каждое звено и отряд каждый раз ставили бы перед собой и практически решали задачу общего труда, пускай, самую простую.

3. Чтобы они серьезнее учились, больше набирались бы знаний и опыта для предстоящего им строительства и борьбы.

Пионеры Москвы дали клятву выполнить это. Пионеры СССР миллионным голосом подтвердят эту клятву.

В Зорин.

Корейский мальчик.

равляют себя миллионы курильщиков китайцев. Недаром в 1856 г. война из-за опиума повторилась заново. Недаром в 1900 году беспощадно подавляли войска всех иностранных держав крестьянское восстание. Всякий раз после победы иностранцев Китаю навязывались кабальные мирные договоры. В конце концов, Китай оказался в рабских оковах. Ежегодно он должен выплачивать огромные деньги другим державам, представители этих держав командуют китайским правительством.

Еще бы не ненавидеть иностранцев!

Даже двенадцатилетние китайские дети заражены этой священной ненавистью. Это они, кидая камни в проходящий трамвай с иностранцами, пали от пуль полиции. Это их скосили залпы войск во время обстрела демонстрации в Ханькоу.

Китайские братья пионеров заплатили свою дань революции.

Но китайцы ненавидят не всех иностранцев. Есть одна страна, которая отказалась от всяких преимуществ в Китае, которая братски относится к китайскому народу. Это наш—Советский Союз. Это—родина Ленина, которого чтят все угнетенные народы мира.

Немудрено поэтому слышать такие слова немецкого профессора Ледерера:

«Любая крупная держава могла бы себя поздравить, если бы имела такое влияние, каким пользуется русское посольство в Пекине».

В Советском Союзе китайцы справедливо видят единственного союзника в борьбе против шайки чужеземных грабителей. Ведь только русские профсоюзы уже послали сто тысяч рублей на помощь бастующим шанхайским рабочим.

Движение в Китае направлено своим лезвием против иностранного капитала, но оно проникнуто насквозь сердечными чувствами к Советскому Союзу. Ведь, воглаве движения, хотя оно вовсе не означает начала пролетарской революции, стоят шанхайские рабочие.

Нельзя сейчас предсказать, чем кончится эта полоса жизни Китая. Ясно одно: тысячелетняя китайская стена взорвана, свежий бурный воздух рванулся в эту угнетенную страну. Шанхайский Совет забастовщиков уже требует вывода иностранных войск из Шанхая навсегда. «Мы не боимся добровольно встретиться лицо к лицу со смертью за свободу Китая, — пишут китайские моряки в своем воззвании, но нам больно видеть, как китайский народ страдает и гибнет от пуль цивилизованных дикарей».

В Пекине учитель Ченг-Чанг-Фу, отрубив себе палец, кровью написал на знамени слова: «Соотечественники, восстаньте и отдайте свою жизнь за за спасение Китая!»

Капиталисты мобилизуют все свои силы.

Тут снова засуетились, предчувствуя привычные обязанности палачей, остатки русских белогвардейцев. В Ханькоу вместе с иностранными войсками высадился отряд русских белогвардейцев, щеголяющих в царских мундирах. В борьбе «цивилизованных дикарей» против свободы китайского народа нужны именно эти подонки общества.

Если даже еще не пробил последний час иностранного господства в Китае, то он уже не далек. Вслед за Россией, разорвавшей все позорные договоры с хищниками капитала после Октября, рвет свои оковы Китай.

Нет никакого сомнения, что именно наша Октябрьская революция и наш Советский Союз, являющийся лучшим примером братской семьи народов, были главными подстрекателями Китая. Но совсем не в том смысле, как изображают наши враги. Наш пример, а не какие-то «агенты большевиков», пробудил китайский народ, подал ему сигнал бодрости и борьбы.

Каждое потрясение в Китае будет колебать основы благополучия европейских и американских капиталистов, для которых Китай так долго был дойной коровой. Кроме того, эти потрясения беспощадно породят могучие отклики в Индии и других колониях, стонущих под тем же гнетом, что и Китай.

Когда умирал Сун-Ят-сен, враги китайской революции торжествовали по поводу смерти ее вождя. Так наши враги преждевременно предсказывали кончину коммунизма после смерти Ленина. Но, как и дело ленинизма, так и китайская революция пережили этих великанов, из которых один был вождем всего угнетенного мира, а второй—четырехсот-миллионной части человечества.

Мы приветствуем разгорающуюся на Востоке зарю!

Мы приветствуем героизм наших шанхайских братьев!

Улица в Шанхае.

РАДИОЗАЙЧАТА

М. Генжин

(ШУТКА В 2-х ДЕЙСТВИЯХ)

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

ДЕД-раешник, исполняющий в пьесе роль председателя жилтоварищества.
ЖИВЧИК, ВОСТРУШКА, — шаловливые пионеры.
МАЛЫШ, СПЕЦ. — образцовый пионер.

ДЕЙСТВИЕ I

Явление I

ДЕД. *(К зрителям).*
Здравствуйте пионеры, красные платочки,
Давно вы от меня не имели ни строчки.
Пожалуй, в начале
Вы обо мне немного и поскучали,
А потом... Увы... Детская память коротка,
За делами, часом, позабыли старика.
Впрочем, я знаю, делов у вас целая груда:
И сердиться на вас не буду,
А лучше с места открою секрет,
Чем за это время занимался дед.
Я хоть и не сравняюсь по возрасту с вами,
Но не столь уже обременен годами,
Знаю не только свой московский переулок,
Но не прочь и от отдаленных прогулок.
Страна-то у нас масштаба не европейского:
От Москвы до округа Енисейского,
Наглядишься немало всякого чуда,
И нипочем не успеешь побывать повсюду.
Шляюсь я это туда и сюда,
Вижу, обрастают советские города
Этакими высоченными
Кружевными антеннами.
Спросил я приятеля: «В чем тут дело?
Или жить людям надоело?»
А он мне в ответ: «Это широковещание
На далекое расстояние.
Хочешь послушать, что говорят в Лионе
Или в краснопресненском районе,
Ставь себе скорее радио-аппарат,
Услышишь все в аккурат.
Недаром Ильич для пользы народной
Приказывал добиваться лампы катодной».
«Стой», думаю, «раз сам Ильич
Кликнул радиоклич,
Тут уж не приходится
Хороводиться.
Я и стал на зло всем СССР гонителям,
На старости лет радиолюбителем.
Хоть и грамоте знаю едва,
Выучил все радиослова
И просидел-таки месяц на крыше,
Между прочим, в качестве председателя домкома,
Распространяю я радио по хорошим знакомым.
Да!.. Да!.. кто общественной работой занимается,
Прохлаждаться тому не полагается.
Я и нынче на вас тоски не нагоню,
В срочном порядке прекращаю болтовню,
Пора мне домой собираться,
А то придется со старухой об'ясняться
А она у меня на язык больно востра
Совсем как ваша сестра,
Скажет: «Где ты шляешься, старая кляча,
Скоро начнется радиопередача,
С твоей болтовней аккурат
Пропустишь политический доклад».
Она у меня старуха тонкая...
До-свиданья, ребятишки... До-свиданья.
(уходит).

Явление II

ЖИВЧИК (выбегает из публики на сцену, за ним Вострушка).
ВОСТРУШКА Живчик, ты слышал, о чем он разговаривал?
ЖИВЧИК. Слышал.
ВОСТРУШКА. А тебе самому не хочется устроить радио?
ЖИВЧИК. Еще как! Но, ведь, нам это не по карману.
(поет)
Был я в радиомагазине
И прильнул к его витрине,
Для любителей там рай,
Все что хочешь выбирай,
Т—антенна, Г—антенна,
Конденсатор переменный,
Вариометр, телефон,
Провода со всех сторон;
Там на бархатной подушке

Индукционные катушки.
Спросишь смело: «Как цена?»
«Шесть червонцев». «Вот-те на».
А где же пионеру достать шесть червонцев,
Ты сама посуди Вострушка.

ВОСТРУШКА. Да мы, может быть, как-нибудь без денег устроимся. Знаешь, Живчик, у нас на квартире живет один комсомолец, так он всю штуку сам устроил и мне обещал показать, как это делается

ЖИВЧИК. Да, ведь, я схему знаю! Самоиндукция. детектор... конденсатор... Только как сделать..., Слушай, Вострушка, а твой комсомолец сейчас дома?..

ВОСТРУШКА. Наверное, дома.
ЖИВЧИК. Бежим к нему!
ВОСТРУШКА. Бежим!

ДЕЙСТВИЕ II.

(Происходит через неделю после вышеописанных событий).

Явление I

ДЕД. *(в домовой конторе)*. Входит спец.
СПЕЦ. Вы будете председателем жилищного товарищества?
ДЕД. Я.
СПЕЦ. Мое почтение. Э, э... Простите, не знаю Вашего имени-отчества.
ДЕД. Зовут меня в Москве повсюду дедкой,
Однако, я считаю это насмешкой едкой.
Это те старички,
Кто носит сызмальства очки,
А если кто на седьмом десятке до поту
Ведет общественную работу,
Того нельзя с кондачка
Превращать в старичка.
СПЕЦ *(в сторону)*
У него старческое многословие... Так вот я слышал почтенный гражданин.. э, э... средних лет...
ДЕД. *(одоб ительно)* Так, так.
СПЕЦ. ...Что вы помимо обязанностей председателя являетесь в нашем доме до некоторой степени специалистом по радиоустановкам. Я и хотел бы с вами поконсультировать насчет неприятных явлений в моем телефоне. Вот уже третий день как с ним творится что-то неладное. Начинаешь говорить по делу, а в телефоне начинается шум, треск и какой-то неприятный свист. Недавно, когда я беседовал с самим председателем треста, телефон вдруг начал мяукать, уверяю вас, мяукать, как котенок. Председатель наверное подумал, что я кошкодав. Обдумывая причины этих явлений,

я напал на мысль, не виноват ли в них кто-либо из радиобезумцев... виноват—радиолюбителей, которых столько расплодилось в нашем доме.
ДЕД. Вы совершенно правы,
К сожалению, существуют подобные нравы!
Любители, приступая к радиофикации,
Не заботятся о правительственной регистрации,
А иногда совершают прямое нарушение закона
Присоединяясь к чужому телефону.
Личности такие называются
В общежитии радиозайцами.
Чтобы доказать вам свой радиостаж,
Схожу-ка я с вами в верхний этаж,
Чтобы выяснить, какой это жилец
Портит ваш телефон, гражданин спец.
Только наверху детворы проживает много,
Не взять ли нам третьяго на подмогу.
Есть тут у нас парнишка пионер,
Он для всего дома пример.
Хотя он ростом и малыш,
Но мозгами крепыш
И среди детской компании,
Пользуется уважением и вниманием.
СПЕЦ. Пойдемте, пойдемте.
(уходят)

Явление II

ЖИВЧИК и ВОСТРУШКА в комнате Живчика слушают радио.
ЖИВЧИК. Слышно?
ВОСТРУШКА. Нет.
ЖИВЧИК. Постой, что-то затрещало.
ВОСТРУШКА ...Говорит, говорит... Живчик, слушай, сей час будет радиопередача.
(В комнату тихонько входяш Дед, Спец и Малыш).
ДЕД. Ага... Вот они, пострелята!
МАЛЫШ. Стой, не кипятись старина.
Нужно сначала выяснить, их ли вина.
ДЕД. *(осматривает стены и карниз)*.
Голову на отсечение отдам
Если это не типичное присоединение к телефонным проводам.
СПЕЦ. Ах, разбойники. Да их под суд мало за это. Они представляют собою антиобщественный элемент. Они—угроза общественной безопасности. Вследствие неумелого обращения с радиоаппаратурой, они портят телефоны, электричество... Наконец, и, с точки зрения радиодела они приносят вред, мешая планомерному его развитию и роняя его в глазах населения.
МАЛЫШ. *(к спецу)*.
Ты, я вижу по фигуре,
Видно, не был в нашей шкуре,
Говоришь, как прокурор,
В обсужденьях больно скор.
Зная нашу волокиту,
Я беру их под защиту!..
Этих «нравственных калек»
Много тысяч человек.
Ведь не всяк имеет время,
Чтоб снести такое бремя
Регистраций и анкет.
А у них к тому же нет
Никакого состоянья,
Кроме чистого желанья
Поскорей всего достичь,
Что наказывал Ильич.
Я не допускаю, чтобы они сознательно портили общественное добро. Впрочем они скажут вам сами. *(К детям)*. Какой четвертый обычай пионеров?
ЖИВЧИК и ВОСТРУШКА. *(вместе)*.
Пионер бережлив к общественному имуществу.
МАЛЫШ. Обещаете вы его исполнять?
ЖИВЧИК и ВОСТРУШКА. *(вмесше)*. Обещаем.
ДЕД. Конечно, у нас радио-любительство легализовано,
И общество достаточно организовано,
Чтобы знать безотговорочно и вполне,
Что радиозайцы приносят ущерб казне,
Но, принимая во внимание
Ребят этих полное незнание,
Их малолетство
И ничтожные средства,
Суд находит, что эти пострелята
Не радиозайцы, а только радиозайчата,
И склонен постановить
От наказания их освободить.
ВСЕ. Ура!
СПЕЦ. Я протестую.
ВСЕ. *(поют)*
Без ошибок как пробить
Путь тернистый к знанью,
Но нетрудно пробудить
В нас правосознанье.
Знаем все мы, из проказ
Будут достиженья.
Оттого цветет у нас
Детское движенье.
Осужденья не найдешь
За стремленье к свету,
Разве только попадешь
В радио-газету.

■ ■ ■ ■

Работают...

НАША ЖИЗНЬ

...на огороде.

В ГОРАХ ДАГЕСТАНА

В одну из пятниц комсомольская ячейка и наш отряд № 15 пошли на «штурм» подшефного аула, расположенного от нашего завода в 4-х верстах.

День выдался солнечный и теплый—настоящий майский.

Дойдя до виноградных садов, сделали привал, отдохнули и стали подниматься на гору длинной синей змейкой.

Тропинка, прихотливо извиваясь, делалась все круче, ребята уже начинают пыхтеть, но, наконец, за поворотом мелькнули чистенькие маленькие сакли.

Дорожка расширилась, построились в колонну и под лай собак, встреченные толпой аульчан, юные поколения—пионеры и комсомольцы вступили в свой подшефный аул, движимые великим заветом Ильича — крепить смычку.

Небольшая полянка с большим вековым орехом и журчащим родником приветливо манила к себе, — здесь мы все и расположились.

Становилось жарко, бросили играть и, усевшись под деревом в тесный кружок, комсомольцы начали проводить собрание совместно с аульской молодежью, что было немного затруднительно, т. к. из комсомольцев только один мог говорить на мусульманском языке и то с грохом пополам.

День как раз совпал с праздником нашего морского флота: на эту тему и был первый доклад, к которому аульская молодежь отнеслась очень внимательно, т. к. во время гражданской войны аулу пришлось испытать орудийный обстрел флота.

Среди аульских детей мы пока

Купанье.

никакой работы не ведем—отряд сам по себе молодой, слабый, а потому и не мог бы правильно поставить работу. Решили сначала подтянуться сами, а потом уже постепенно начать работу в ауле.

Пугает нас то, что из ребят отряда никто не знает мусульманского языка, а в ауле нет знающих русский язык, да еще надо иметь в виду, что предстоит испытать тяжелый бой с местным муллой, который имеет большое влияние на аульчан.

Собрание кончилось, комса начала собираться домой, а мы, отвоевав футбол, решили подняться выше.

Отыскали полянку, окаймленную со всех сторон низенькими, горных пород, деревьями с массой цветов.

Ребята валялись на траве, собирали цветы, а то вдруг стаей налетали на вожатого, сбивали его с ног и поднимали возню.

Кончили баскетбольной тренировкой, ребята хотели было под шумок сыграть в футбол, но вожатый, отобрал мяч и созвал ребят на сбор, который прошел очень шумливо.

Веселое солнце, глубья лазурь

ласкающий южный ветерок, и окружающая природа так действовала на ребят, что они смеялись по поводу каждого пустяка.

Беседа о флоте кончена, засыпали вопросами, кончили и это, и перешли к следующим вопросам: покритиковали работу отряда, выбрали делегатов на районную конференцию. Голод заставил нас собираться домой, построились, сделали проверку и один за другим гуськом начали спускаться с горы.

Аул уже в стороне, вон кто то машет нам рукой. Ответили.

Виль Васильев.

Дагестан Махач-Када.
Вожатый 15 отряда Ю. П.

Жизнь нашего отряда

Наш отряд организовался в праздник юношеской недели, 7-го сентября 1924 года.

С первого времени в отряд Ю. П. вошло всего 19 ребят, но уже через 3 дня записалось еще 19, и работа в отряде пошла очень успешно с помощью шефов, которые взяли шефство над нашим отрядом. Крестьяне нашего села увидели, что отряд Ю. П. плохого им не принес, а, наоборот, хорошее, и начали посылать своих детей в отряд, думая воспитать своих детей по политически

Просуществовал наш отряд 2 месяца и получилось совсем не то: шефы нас стали забывать и работа в нашем отряде стала сильно хромать.

Но почему же работа стала хромать? Вот почему: приехали в одно время шефы к нам в отряд и спрашивают пионеров: «пионеры, чего вам надо?». Пионеры обрадовались и начали говорить: «Надо нам следующее: галстуки, красок, бумаги, лампы, литературы и т. д.». Проходит неделя, месяц—не едет к нам шеф, не везет нам, чего надо. Призадумались ребята, и стали шептаться между собой: зачем мы сюда записались, не дают нам ни литературы, ни галстуков».

Взяла наша местная ячейка РЛКСМ над нами шефство, но тоже ничего и ничем не может помочь. сама бедная. Пришла зима—холодно, а пионерам обуваться не во что и не в чем в клуб идти, а там еще клуб не топят, говорят—печка не годится. Так и не топилась всю зимушку. Пионеры сидят дома да в окошко смотрят: скоро-ль весна, чтобы в клубе было потеплее. Собралось собрание РЛКСМ и протокольно постановило: во что бы то ни стало работу в отряде начать надо. Избрали помощника вожатому из комсомольцев, и работу начали. Работа в отряде началась, и шеф начал заглядывать, но того, что пообещал, не прислал до сих пор. Пионеры ходят без галстуков, нет знамени в отряде и всего нет и нет. Но пионеры, под руководством ячеек РКП и РЛКСМ налаживают работу. И мы, пионеры, надеемся на своих шефов и надеемся на самих себя, и думаем работу в отряде поставить лучше, чем была осенью.

Пионер Покровского кантона,
села Квасниковки,
Шатько Петр.

Помогают матери красноармейца.

Из клуба на воздух

У нашей ячейки есть подшефная волость. В ней 4 отряда. Мы с ними всю зиму вели живую и письменную связь. Теперь все это осталось, но с наступлением весны появилось и новое в работе отряда.

Стенгазета стала выходить реже, на отрядных сборах стали выпускать живую газету «Красный Галстук». И кроме того, большую часть времени мы проводим вне помещения. Шеф дал нам сад, в котором мы и работаем. Окопали яблони, вымели сад, боролись с вредителями. Оборудовали на дворе спорт-площадку, где в настоящее время и проводим большую часть занятий.

На сборах отряда, кроме бесед, игр и всего обычного, проводим также и купанья. Собираем гербарии, коллекции бабочек, жуков, червей и т. п.

Скоро поедем в лагеря.

Дима и Женя.

(Г. Ардатов, 6-й отряд им. МЮД).

Приближаемся к деревне

Наш отряд пионеров ходил в деревню «Пороги» для того, чтобы поделиться мнением, поиграть с крестьянскими ребятами и вместе провести день «против вырубки деревьев», а также ознакомить деревенских ребят с организацией пионеров.

Придя в деревню, мы сделали привал на 15 минут, после отдыха

мы все уселись в круг, и вожатый отряда нам рассказал, откуда произошел праздник «Троицы» и какой убыток он приносит государству, когда крестьяне в деревнях к этому празднику рубят молодые березки и украшают ими свои дома. Крестьянские ребята сидели вместе с нами, а взрослые—подальше и внимательно слушали беседу.

После беседы мы устроили игры совместно с крестьянскими ребятами, а также устроили с ними гимнастику. Они быстро выучили упражнения и почти не отставали от пионеров. После мы опять уселись в круг и стали петь песни; деревенские ребята нам подтягивали. Весело провели мы этот день в деревне и бодрые возвращались до мой. Крестьянские ребята очень просили, чтобы мы пришли к ним еще, так как говорили, что пионеры им понравились. С пением шли мы домой через деревни, крича: «Да здравствует смычка города с деревней!».

Так наш отряд старается выполнить завет Ильича о смычке с деревней.

Отряд им. Ленина при Волховстрое. *Пионер Голубков.*

Все-таки в лагерь попал

Стоит июль месяц. Жарко. Пионеры собираются в лагеря. Наш же Ванька сидит дома и угрюмо смотрит в окно.

— Все равно не пустит—твердит он себе и крупные слезы падают на подоконник.

— Ну, чего раскосился,—кричит мать,—сказала—не пущу и не пущу. Слышишь? Замолчи!

Завтра уходит отряд в лагерь, а Ваньку не пускают, а как же он не пойдет? Он ведь вожатый звена и к ребятам так привык—смерть не хочется расставаться.

А мать свое твердит: «Отец придет, и видно будет. Сейчас реви—не реви, все равно ничего не добьешся.»

— Если не пустишь в лагерь, так сам уйду. Все равно уйду.

—Попробуй только, я тебе...

В шесть часов пришел с работы отец. Ванька плача бросился к нему: «Папанька, пусти в лагерь».

Отец засмеялся: «Ты что же думал, я не пущу тебя? Не глупый я, кажется. В лагере-то ты коммуной жить научишься. Конечно, иди».

— Чего хорошего-то в лагерях. Коленки только разобьет,—вступилась мать.

— Не разобьет. Зато коммунистом научится быть. Пусть идет.

Мать не противоречила. Она знала, что отец сам коммунист и настоит на лагере.

— Ну, ладно,—согласилась и она.—Я приготовлю тебе котомку. Ванька лег спать спокойным.

Утром он со всем отрядом пошел в лагерь.

Пионерка Агарева Елена (из 13-го отряда Замоскворечья).

Наш поход

— Эй, ребята, завтра идем на Ламовадку в 6 часов,—говорит вожатый коллектива,—смотрите, не опаздывайте.

На другой день все пионеры с узелками в руках пришли в клуб пионеров. Но вот гудит протяжно гудок нашей шахты на 6 часов. Вожатый коллектива дает команду: «становись». Все ребята стали в строй. Имы под звуки барабана идем по улице. Когда мы пришли

Друзья.

к станции, то нас посадили в вагоны и мы тронулись. В вагонах мы пели песни «Картошку» и др. Но не прошло и получаса, как мы были на станции Владимировка. Поезд остановился, пионеры слезли, стали по четверкам в строй и пошли в деревню Ламовадку. Когда мы пришли в Ламовадку, то мы разбились по отрядам, а отряды разбились по группам и начали заниматься спортом, делали легкую гимнастику и вдыхания. После спорта пионеры позавтракали и принялись за работу. Кто носил дрова, кто носил воду, а остальные готовили обед. Так было весело, что ребята не заметили, как скоро сварили обед.

Но вот раздается свисток, ребята собираются по отрядам и начинают обедать, после обеда был час отдыха. Ребята в это время читали журналы. Когда прошел час отдыха, все пионеры играли в игры, после игр пионеры собрались, стали в строй и под командой инструктора все с радостными лицами пошли домой.

Пикор «Ким»,

Кадиевка, Донбасс.

В поход.

ПО ВОЛХОВСТРОЮ

Недавно мы ездили с ребятами на Волховстрой и в Ленинград.

Еще задолго до экскурсии мы начали готовиться. Читали, что такое Волховстрой, какое он имеет значение и ходили на Показательную Промышленную выставку, на которой смотрели электрические станции. Но все же мы не ожидали того, что увидели.

Уже темнело, когда поезд с экскурсией подошел к станции Званка. Живо высыпали мы все из вагонов и пошли по незнакомой дороге. Прошли и полем, и селами около 6-ти верст. Время шло, и в темноте шли мы по улице какого-то села. В избах горят электрические лампочки. Вдруг улица делает поворот, и...перед нами река с крутыми берегами, со множеством огней против нас.

Идем право, по берегу Волхова.

Стоянка в школе. Побросали вещи и скорей к плотине. Везде стража ГПУ. Взобрались на временную плотину. Кругом темно. В темноте, как звезды, горят фонари. Внизу шумит, клокочет Волхов, как будто чем-то недовольный зверь.

Утром опять на плотину. Рядом с ней вниз по течению выводят бетонную стену. Устои се уже готовы и между ними вал за валом несется, бурля и пенясь, Волхов. С бешенством закручивается брошенная в воду щепка и скрывается в пене. Множество рабочих мерно, удар за ударом вгоняют в железо-бетонные устои, толстые железные палки и все больше и больше сковывают бурную реку.

Руководитель экскурсии запоздал. Разбрелись группками кто куда. Нас несколько человек полезло по лесам. Лазили, лазили и залезли в тупик; не знаем, куда дальше. Вдруг над нами:

— А ну, наддай. Р-раз, —клубами взвилась пыль и через наши головы полетели сбрасываемые вниз доски.

— Катай скорей отсюда.

Выбрались и прямо на руководителя.

— Идемте в будущее здание самой силовой станции,—приглашает он и повел по лесам высокого здания. Кругом скрип, стук, летят доски, визжит пила. Около железных скрепов из рельс гудит газовая лампа—прожигают отверстия. Выше над нами опять леса, над ними темнеют металлические фермы, устои и скрепы. Под нами маленькие человечки —такими кажутся с высоты.

Но вот: «Что за канал?»

— Это будущий ход для пароходов, здесь будет шлюзами запираться вода и пропускать пароходы.

— Зачем же шлюзы?

— Шлюзами вода задерживается,. повышается ее уровень, и Волхов становится судоходным выше плотины. Длина шлюза 170 саже., ширина $17^1/_2$ саж.

Внизу под лесами в глубокой выемке бетонная стена, в ней громадные окна, загороженные решетками.

— Эти решетки стоят против турбин и защищают их от засорения. Их 8, по числу главных турбин.

Спускаемся вниз.

— Сейчас мы находимся на месте будущего русла. Здесь об решетки будет биться Волхов, процеживаться и чистый пойдет на работу: вертеть турбины, которые будут вырабатывать ток и посылать его на ленинградские фабрики и заводы.

Выбираемся на-верх, на ледозащитную стенку. Это—широкая бетонная стенка с несколькими окнами.

— Ого, да по ней четверка проедет.

— Да. И вот она-то должна задерживать лед. Окна закроются водой и лед будет ударяться о верх стенки, не проходя к турбинам.

— Скоро уж и плотина будет готова. Вода пойдет только там, где ей дадут выход.

Внизу пенился Волхов. Кругом раздавалось: «А-ой! Раз, еще раз!»

Пионерка 71-го замотряда *Лида Королева.*

Пионеры в старой Бухаре.

ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛЕТ

Не одна тысяча пионерских глаз сейчас внимательно следит за географической картой нашего Союза. Шестую часть света охватывает он. И от края до края, от Москвы, красной столицы Союза, тянется узкая ленточка—путь наших летчиков.

Из Москвы в Пекин.

Вот путь, который они решили выполнить. Семь тысяч верст должны они пролететь в воздухе. Путь не маленький.

Шесть стальных птиц, шесть мощных аэропланов, под крепкой опытной рукой наших летчиков упорно держат путь на Восток.

Кто же они, эти смелые летчики?

Все они—дети нашего великого Союза, дети революции, дети пролетариата.

Далекий, многотысячный путь в воздухе полон опасностей, полон неожиданностей.

В день вылета из Москвы, с аэродрома имени тов. Троцкого, утром 10-го июня, стояла пасмурная погода, но смело ринулись аппараты вверх, взяв направление на Нижний-Новгород и уже через $2\frac{1}{2}$ часа телеграммы известили о том, что летчики благополучно спустились в Нижнем, а через 5 часов—они были в Казани, проделав за это время 750 километров в воздухе.

О. ЖУК.

БЕЛАЯ ПТИЦА

У ребят волнение:
— Что за небылица.
Говорят, в деревню
Прилетела птица.
С облака спустилась
В поле за ометом,
И зовут ту птицу,
Будто, «Самолетом».
— Верить, иль не верить.
Маются ребята.
Мигом на деревне
Опустели хаты.
В поле у околиц
Силой не пробиться...
Видим мы: на солнце
Что-то серебрится...
Белое, большое,
Ростом больше воза,
С четырьмя крылами—
Ровно бы стрекоза...
Ладный парень в шлеме,
В кожухе коротком,
Что-то об'ясняет
Мужикам и теткам.
— Кто со мной, ребята
Хочет прокатиться?

Скоро полетите
Все на этой птице.
— Я, сказал я громко,
Как и сам не знаю...
— Ладно, мальчугашка,
Славно полетаем.
Я уж и не помню,
Как я с ним садился,
Как народ со смехом
Вкруг меня теснился.
Птица закачалась,
Что-то загудело...
Шибко разбежалась...
Раз и полетела.
Над степным раздольем,
Над рекой, над пашней...
Хорошо как. Вольно.
И—ничуть не страшно.
Улетела птица
На поре вечерней...
Много разговору
Было на деревне.
Крепко верят люди:
Вот опять примчится...
— Долго не забудем
Белую мы птицу.

Ревет мотор самолета. Упрямо и сильно тянет он металлический остов самолета все вперед и вперед.

Летчики бодры. Вдали кое-где на небе клубятся облака; синеет небо, свистит ветер, тот особенный ветер, который всегда чувствует летчик при быстром движении машины.

120 километров в час! Два километра в минуту. Больше 30 метров в секунду! Это быстрее урагана! Если бы с такой скоростью ветер дул на поверхность земли, то он сносил бы крыши, выворачивал бы с корнем деревья, разрушал бы здания.

Но в кабине самолета тихо.

Сквозь толстые зеркальные стекла открывается дивная панорама. Узнаются желто-зеленые полосы озимых хлебов, изумрудная зелень яровых. Серым пятном затерялась среди них деревенька и от нее во все стороны такие же серые змейки дорог.

Вот заблестели вдали крыши домов. Ближе и ближе. Видны улицы с переулками. На площадях люди, много людей. Все смотрят вверх. Машут. И снова замелькали поля и перелески, дороги.

Далеко позади осталась стальная лента причудливой Волги и вот уже близок Урал.

Урал—горная цепь; своими изрезанными вершинами потянулся он с севера на юг, отделяя Европу от Азии; для перелета он представляет значительные опасности.

МИРОВОЙ ПЕРЕЛЕТ МОСКВА — МОНГОЛИЯ — КИТАЙ. Самолеты на Московском аэродроме перед отлетом. Справа в овале — т. Шмидт—начальник перелета.

Если в аэроплане какая-нибудь, неисправность, поломка, то летчик должен опуститься на землю.

Но где опуститься в горах? Кругом скалы, обрывы, камни, сплошной густой лес. Невозможно найти ровную площадку, на которую можно было бы посадить самолет.

Кроме того, наши летчики летят вдоль железной дороги. Полоса железной дороги, кажущаяся сверху, с аэроплана узкой бесконечной ленточкой, в горах не один раз разрывается, скрываясь в ущельях и тоннелях. А в таком случае единственным способом не потерять направление это—внимательно следить за стрелькой компаса.

И вот, несмотря на предстоящие трудности, шесть самолетов, без спуска, перерезали Уральские горы, бросив с тысячеметровой высоты привет затерявшемуся в Уральских дебрях городу Свердловску (бывшему Екатеринбургу).

А дальше уже и Сибирь, и снова серая ленточка железной дороги—великого Сибирского пути, которая бежит, извиваясь, по Западно-Сибирской равнине. Зеленеющие степи и квадраты полей, полноводные реки и яркие луга—да кое-где селения—вот та картина, которая открывается тут нашим летчикам.

В Кургане они перелетели р. Тобол, в Омске—Иртыш. В Новониколаевске—верховья Оби.

И по всему пути, к местам остановок самолетов стекаются окрестные жители, часто за сотни верст гонят крестьяне своих лошаденок, чтобы посмотреть на диковинные машины и отважных людей. Вся Сибирь от Уральских гор до Байкала с напряженным интересом следит за смелым перелетом.

Многотысячные толпы всегда приветствуют летчиков при их остановках. Десятки раз начальнику экспедиции, тов. Шмидту, приходится выступать на митингах для приветствия собравшихся.

Вокруг аэродрома костры. Это приехавшие издалека, часто за 300 верст, крестьяне расположились лагерем.

— Просим вас, хоть один слетайте к нам,—обращаются ходоки от деревень к летчикам.

— Тут совсем недалеко, в сторону, у нас ведь еще никто не видал таких машин.

— Эх, кабы наши мужики поглядели, вот ахнули бы...

Крестьяне говорят о полете, интересуются им, гордятся нашими летчиками.

— Да неужели наши? Не немцы,—спрашивают о летчиках.

— Ну-у... Слесарем, говоришь, был энтот вот?..

— Вот это я понимаю!.. Молодцы ребята!—слышно в толпе.

За Красноярском настоящая сибирская тайга. Это вековой лес из сосны, пихты, лиственницы, всех пород хвойных деревьев. В нем темно и жутко. Огромные стволы, как колонны, тянутся на протяжении тысяч верст и на восток, и на север, и на юг. В них нет света, в них почти темно. Вечное безмолвие царит здесь. И только в бурю гудит тайга, шумят вершины ее деревьев, трещат и валятся старые, подгнившие великаны.

А сверху летчики видят тайгу темно-зеленым сплошным морем. Ни островка, ни прогалинки. Тут нет мест для посадки. Над тайгой нужно лететь без спуска. 1200 километров над тайгой, вот путь наших летчиков.

Но дальше, дальше.

Уже миновали Нижнеудинск, Иркутск. Дальше начинаются снова опасности и препятствия.

С Иркутска путь очень тяжел. Сюда подходят черные отроги огромных Саянских хребтов, которые разбились суровыми скалами по берегам Байкала.

А дальше Байкал.

В брызгах и пене глянул он сквозь стекло кабины. Как море: еле виден в туманной дали его противоположный берег. Его широкая грудь вся вздыблена волнами, которые сверху кажутся рябью.

Наша экспедиция его перерезает поперек. Около 50 верст она летит над сплошной водной равниной. Горные утесы и скалы вплотную подходят к этому огромному озеру и, сжатый ими, Байкал сурово бросает свои волны на гранитные глыбы.

Перелет через Байкал—один из опаснейших моментов всего воздушного пути.

От Иркутска до Кяхты, на границе Монголии, почти весь путь нужно пролетать над высокими горами.

И чем дальше к востоку, тем еще труднее и опаснее путь.

До тех пор, пока летчики были над европейской и западно сибирской частью нашей Республики, у них было все в достаточном количестве: бензин для моторов, и масло для смазки их, и воды для охлаждения.

Но в диких, мало исследованных местностях, ближе к Монголии и Китаю, и в границах их не всегда можно надеяться на своевременную помощь.

А дальше—гроза всего перелета—пустыня Гоби. Больше тысячи верст придется лететь над этой страшной пустыней. Сверху палящий, иссушающий зной, внизу песок или голые горячие глыбы камня. Где спуститься в случае какой-нибудь неисправности? Где достать воды для охлаждения моторов?

А потому этот тысячеверстный перелет наши летчики должны пройти без спуска. Необозримо раскинулась серо-желтая пустыня. Глаза летчиков не привыкли к такому зрелищу. Летят час, два, а все та же картина: неровная холмистая пустыня лежит, как бы притаившись.

Свистит горячий ветер. Плавно идет самолет.

А в мозгу бьется неотвязная мысль:

— Ну, как испортится...

И рядом:

— Перелетим... Быть этого не может, чтобы не перелететь.

И лишь за границей Гоби, там, где можно найти жилье человека, только там они смогут спуститься. Конечным пунктом перелета, местом, куда направляется вся экспедиция, является Пекин, столица Китая.

Путь в Пекин лежит через независимую Монголию. Эта страна лишь недавно стала свободной. Ее столица—Улан-Батор, что значит Красный Богатырь, с радостью будет приветствовать родных по духу наших красных летчиков.

В Пекине наша экспедиция передаст трудящимся Китая тот братский привет, который с ними послали все трудящиеся нашей Республики. Этот привет должен поддержать бодрость духа в трудящихся массах Китая, которые ведут сейчас напряженнейшую борьбу с иностранцами-угнетателями. Наш привет должен им вселить уверенность в победе.

Но это—только одна из целей перелета.

Есть еще и другие цели.

Став твердой ногой на путь возрождения промышленности, русский рабочий за короткое время хозяйничанья без помощи капиталистов сумел довести технику до того, что теперь на советских заводах уже изготовляются целиком самолеты—от последнего винтика до сложнейших моторов.

Мотор—сердце самолета. И если это сердце не дает перебоев, если оно работает исправно, то и самолет может безопасно лететь, куда угодно. Но если мотор плох, то на нем много не пролетишь.

Раньше, в царское время, моторы у нас в России не изготовлялись, их доставляли нам разные заграничные страны—Германия, Франция, Англия. Значит, при постройке самолетов, мы зависели от иностранных капиталистов. А это значит вот что: так как самолет есть одно из важнейших средств при нападении и защите во время войны, то понятно, что нашим соседям-капиталистам невыгодно, когда наш воздушный флот возрастает и делается все сильнее и сильнее. Поэтому-то постройка своими силами моторов, а также и всех самолетов целиком есть огромное завоевание техники нашей Республики.

И вот этот пробный перелет из Москвы в Пекин—есть серьезный экзамен для наших советских самолетов. Если они этот экзамен выдержат, значит, мы уже научились их строить без помощи иностранцев-капиталистов, значит, мы уже стали независимы в этом отношении от них.

И еще одно. В этом перелете участвуют в качестве летчиков и техников обучившиеся здесь у нас, в СССР, рабочие и крестьяне и они также сейчас держат трудный экзамен на звание мирового летчика.

ВИД С САМОЛЕТА. *1. Линия железной дороги. 2. Шоссейная дорога. 3. Проселочная дорога. 4. Мост через железную дорогу. Остальные кружки обозначают пашню, луг, постройки и деревья.*

Совершив этот великий перелет, наши летчики станут в один ряд с лучшими летчиками мира, и ими по справедливости мы можем гордиться.

Будем же надеяться, что трудный экзамен будет выдержан и советскими самолетами, и советскими летчиками.

Будем надеяться, что наши красные самолеты станут залогом того, что трудящиеся Китая в скором времени пришлют к нам в Москву свои красные самолеты.

Как обманывают нас глаза

Обмануть зрение очень не трудно. Этим широко пользуются в военном деле в целях маскировки морских судов и военных сооружений на суше.

Наши глаза гораздо легче обмануть, чем слух. Пугаясь, мы невольно останавливаемся и прислушиваемся. В темноте наши глаза совершенно бесполезны,

Рис. 1.

а слух продолжает неизменно работать. Даже во время сна наш слух сторожит: быть может, он несколько сонный, но во всяком случае достаточно бодрствующий, чтобы быть готовым предупредить раньше, чем какое-либо другое чувство. Поэтому на слух можно больше положиться, чем на зрение.

Во время последней мировой войны широко применялась маскировка военных частей. Солдаты носили форму «защитного» цвета, автомобили, броневики также окрашивались в желто-зеленый цвет и разрисовывались темными пятнами, чтобы обмануть наблюдательность неприятельских аэропланов, так как их трудно было заметить: их очертания сливались с окружающей местностью.

Морские суда также окрашивались под цвет моря. И для того, чтобы обмануть подводные лодки, раскрашивали суда так, что трудно было определить, какое это судно, с какой скоростью и по какому направлению идет. Сочетанием разных линий и цветов делали так, что судно казалось длиннее своего действительного размера или короче.

Быстроходные суда окрашивались так,

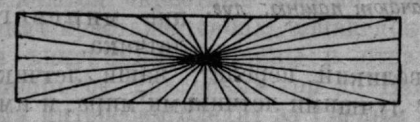

Рис. 2.

чтобы они выглядели короткими и коренастыми, а тяжелые грузовые пароходы, — чтобы казались узенькими и на вид быстроходными.

В результате этой маскировки, в течение последних месяцев войны, несколько подводных лодок не могли рассчитать скорости и направления атакуемых судов, подходили слишком близко и, не будучи в состоянии быстро бросить своих торпед, были настигнуты и взяты в плен.

Чтобы лучше убедиться в том, как нас обманывает зрение, испробуйте на себе показанные на этих страницах интересные опыты. Так, например, на рис. 1, идущие вверх наклонные линии заставляют левый прямоугольник казаться суживающимся. Вертикальные линии на правой фигуре кажутся сходящимися наверху, тогда как они параллельны.

На рис 2. край прямоугольника кажется выпуклым. Здесь опять обман зрения. Диагональные линии заставляют прямоугольник выдаваться посредине и суживаться по бокам. Однако же стороны прямоугольника параллельны.

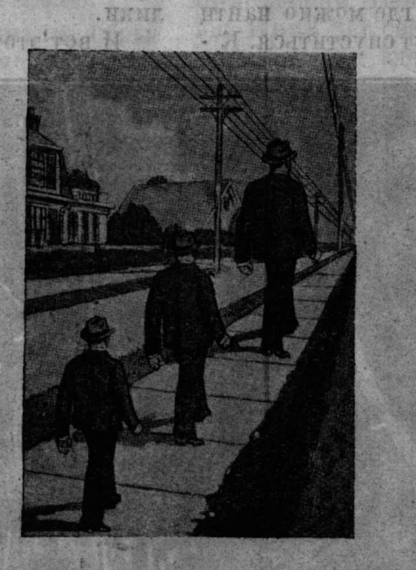

Рис. 3.

А посмотрите на рис. 3.

Который из этих людей самый высокий? Трудно поверить, что эти фигуры одинакового размера. Если вы вымеряете их линейкой—вы увидите, что это так. Ваше зрение обмануто тем, что все предметы, кроме человеческих фигур, нарисованы с соблюдением перспективы.

Смотря на рис. 4, вы готовы поклясться в том, что ноги человека налево кривые наружу, а правого внутрь. Теперь держите страницу на одном уровне с глазами и глядите вдоль нее с края. Вы увидите, что все четыре ноги совершенно прямые.

Как вы видите, пирамиды на рис. 5, выпуклыми или вогнутыми? Пристально вглядываясь, они будут казаться то выпуклыми, то вогнутыми.

Который круг на рисунке 6 кажется больше. Они одинаковы, как это ни странно. Обманывает нас левая вертикальная линия,—она кажется длиннее правой, в то время как они совершенно одинаковы.

Цвет может также хорошо обмануть, как и линия. Если вы возьмете темно-красный фон, несколько времени посмотрите на него, а потом приложите

Рис. 4.

к нему полосу серой бумаги, эта последняя покажется вам зловеще-зеленого цвета. На синем фоне полосы покажутся оранжевыми. Основные цвета: красный, синий, зеленый, оранжевый, фиолетовый заставляют нас видеть противоположные.

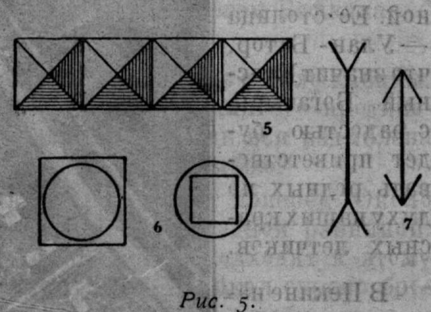

Рис. 5.

Таким образом, если расположить линии и цвета с пониманием закона обмана зрения,—можно совершенно изменить внешний вид предмета и заставить его выглядеть так, как нам нужно.

Низкая комната выглядит гораздо выше, если ее оклеить светлыми обоями с продольными полосами. И, наоборот, комната кажется меньше, оклеенная темными обоями с поперечным рисунком. То же можно сказать и в отношении рисунка материи на платье. Человек кажется выше ростом, если его костюм сшит из материи с продольными полосками.

Редакционная коллегия: А. Волков, Х. Добин, В. Зорин, Н. Крупская, Л. Теремякина

Отв. редактор Х. Добин

Главлит № 41158. 5-я тип. „Транспечати“ НКПС, “Пролетарское Слово“ Южный пер. д. 4. Тираж 30.000.

ЛОГОГРИФ.

(Н. Н. С.).

С буквой „Г“ даст речь и пенье,
С „В“—защита, украшение,
С „К“—найдет их Шура, Коля
На работе летом в поле.

ПРАВИЛЬНЫЕ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ ПРИСЛАЛИ:

Задача № 1 (помещена в № 7): **Р. КИВЛЕНИК, ЛИДИН Р., РЯБОВ В.**

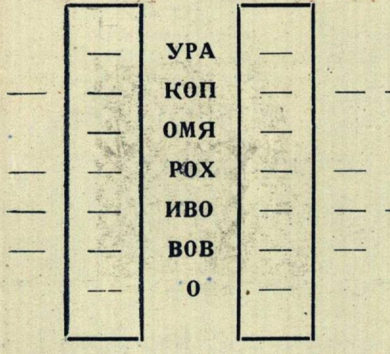
Загадочная картинка (помещена в № 8): **КИСЕЛЕВ М., ШЕРСТНЕВ Н., БОЛИС Г., СМИРНОВ Ф., ШУБИН А.**

Логогрифы 1 и 2 (помещены в № 8,) **ЛЕВИНСОН М., АБРАМСОН М., БОРИСЛАВСКИЙ Ф., ЩЕЛКИН Х.**

Задача № 5 и загадочная картинка (помещены в № 10): **АБРОМОВСКИЙ А., СИДОРОВ К., КАЛИНИН Ф.**

ЗАДАЧА БУКВ № 1

Х. Д.

Заполнить черточки буквами так, чтобы получились слова. Если прочесть сверху вниз буквы в очерченных колонках, получится фамилия и имя одного из вождей РКП (б).

ЗАДАЧА № 2

Х. Д.

Если в названии одной из столиц Европы изменить букву, получим напиток. Изменив, в полученном слове последнюю букву, получим часть тела.

Одна и та же буква, прибавляемая к началу этих слов, превращает: европейскую столицу—в принадлежность спектакля, напиток—в явление природы, часть тела—в красивое зрелище природы.

ШУТОЧНЫЕ ВОПРОСЫ.

1. Часть какого крестьянского сооружения употребляется в арифметике?
2. Что находится в конце поля?
3. Почему реку переходят вброд?
4. Какая согласная буква может надолго быть пищей для скота?

ТАИНСТВЕННОЕ ПИСЬМО.

Л. Р.

[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Это письмо было получено МОПР‘ом.

Долго разглядывали рукопись, стараясь разгадать, что здесь написано.

Посмотрели на конверт. Там стояло: „София. Х-я тюрьма“.

Стало ясно—это письмо от заключенных болгарских коммунистов.

Догадались, что последнее слово письма—„заключенные“.

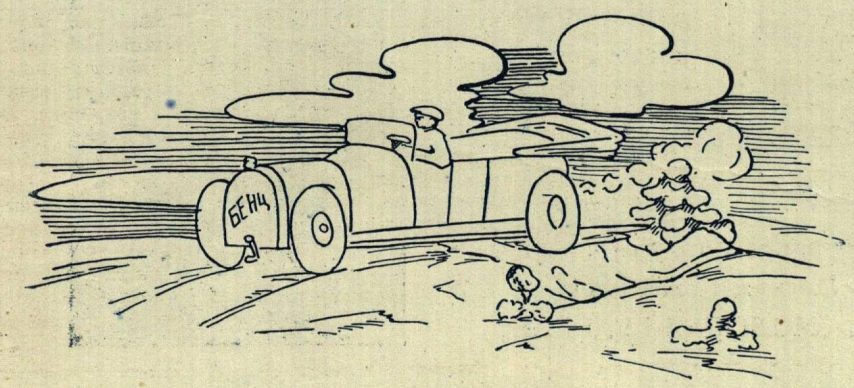
Этим расшифровали все письмо. Недостающие буквы подобрали.

Сообразили, что—тире отделяет одно слово от другого.

Через 10 мин. письмо было все разобрано.

Что же писали болгарские коммунисты?

ЗАГАДОЧНАЯ КАРТИНКА.

Где задавленный автомобилем?

ОТВЕТЫ.

ВЛАСОВУ А., ФИТИНОЙ А., ПЕШКОВУ А., БЕЛОУСОВУ С., КРИВОШЕИНУ М., ШОЛОХОВУ С., ФИЛЬКОВУ С., СЕРЕДА Л., МИХИНОВУ А., МАЛКИНУ Д., ЕШЕВСКОМУ А, ЦЫРУЛЬНИКОВУ Б., КИЗИЛЛО Б., РОМАНОВУ С., САДОВСКОМУ, ТИШЕКИНУ Н., ЛЕВИНСОН М., БРЕЙТЕРМАН М.

Присланное не пойдет, или очень просто, или старо, или же не подходит по теме.

Цена № 30 коп.

Я СТРЕЛЯЮ в каждого КТО НЕ ПОДПИСАЛСЯ на журнал ПИОНЕР!

орган ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО детской коммунистической организации (при ЦК РЛКСМ) и НАРКОМПРОСА

Журнал выходит при участии т.т. Н. К. Крупской, А. Луначарского, Ем. Ярославского и др.

▪▪▪▪

Подпишись на ПИОНЕР!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

На 12 мес.	5 руб.	60 коп.
„ 9 „	4 „	20 „
„ 6 „	2 „	95 „
„ 3 „	1 „	55 „
„ 1 „	— „	60 „
Цена отд. №		30 „

Подписку направлять в отд. периодич. изданий: Москва, Новая площ., д. 6/7, Из-во „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“.

